

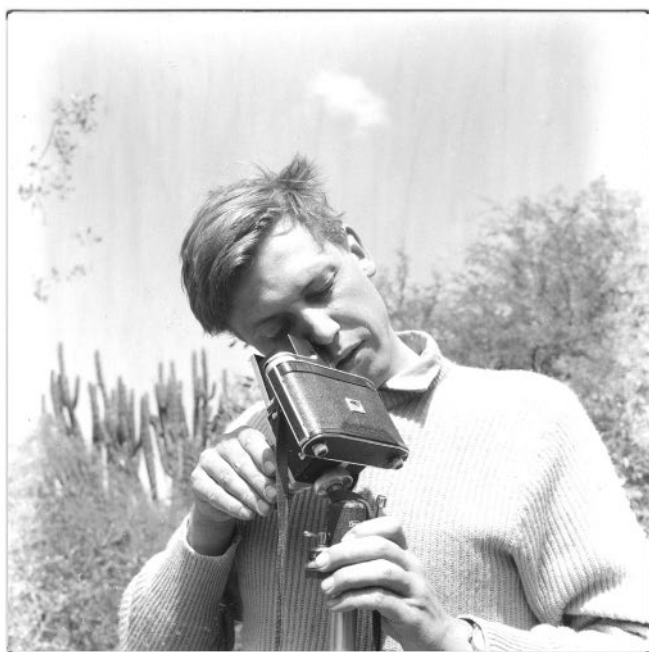
СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
КНИГА ПЕРВАЯ. «Зооквест» в Гайану	
1. В Гайану	21
2. Тайни Мак-Турк и рыба-каннибал	34
3. Разукрашенная скала	49
4. Ленивцы и змеи	64
5. Духи в ночи	81
6. Шанти на Мазаруни	103
7. Вампиры и Герти	117
8. Мистер Кинг и русалка	134
9. Возвращение	149
КНИГА ВТОРАЯ. «Зооквест» за драконом	
10. В Индонезию	155
11. Верный джип	166
12. Бали	182
13. Животные Бали	191
14. Вулканы и воришки	202
15. Приезд на Борнео	216
16. Орангутан Чарли	232
17. Опасное путешествие	247
18. Остров Комодо	268
19. Драконы	282
20. Эпилог	293

КНИГА ТРЕТЬЯ. «Зооквест» в Парагвай

21. В Парагвай	297
22. Бесславный конец роскошного круиза	302
23. Бабочки и птицы	317
24. Гнезда в «кэмпе»	342
25. Звери в ванной	356
26. В погоне за исполином	368
27. Ранчо в Чако	381
28. Путешествие по Чако	395
29. Вторая попытка	409
30. Переезд бродячего зверинца	420

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни зоопарки больше не посылают звероловов за дикими животными. Это оправданно: сейчас дикая природа и так находится под слишком большим давлением, даже если никто не посягает на ее самых красивых, экзотических и редких обитателей. К тому же большинство зверей, вокруг которых в зоопарках обычно собирается толпа, — львы, тигры, жирафы,

носороги, даже лемуры и гориллы — рождаются в вольерах, за их развитием тщательно следят в родословных книгах, так что зоопарки во всем мире вполне могут обмениваться отдельными видами, не думая об угрозе кровосмешения. Польза от присутствия экзотических животных несомненна: они помогают рассказывать о красотах дикой природы и о том, как важно и трудно ее сохранять.

Однако так было не всегда. Лондонский зоопарк основали в 1828 году ученые, которые ставили перед собой высокую, но почти неосуществимую цель — собрать научную коллекцию сохранившихся к тому времени зоологических видов. Животных свозили и присылали со всех концов земли, иногда уже мертвыми. Тех, кто выживал, показывали публике в Зоологических садах, открывшихся в Риджентс-парке, но и эти существа довольно скоро превращались в чучела и анатомические образцы. Разумеется, Лондонское зоологическое общество более всего стремилось приобрести зверей и птиц, каких не было в других зоосадах, и это честолюбивое желание сохранилось даже вплоть до 1950-х годов, когда я пришел к одному из кураторов Лондонского зоопарка с замыслом новой телепрограммы.

Телевидение в те годы тоже отличалось от нынешнего. Существовала всего лишь одна сеть вещания, принадлежавшая BBC и доступная только в Лондоне и Бирмингеме. Все программы транслировали из двух маленьких студий, находившихся в Александра-палас на севере Лондона. Это были те самые студии и те самые камеры, с которых в 1936 году велась первая регулярная телетрансляция. В 1939-м, с началом Второй мировой войны, она прервалась и возобновилась в 1945-м, как только наступил мир. Так что в 1952 году, когда я пришел на британское телевидение в роли продюсера-стажера, оно насчитывало неполных десять лет практического опыта.

Программы почти целиком шли в прямом эфире. Электронная запись появится десятки лет спустя, а тогда нам, продюсе-

рам, «разбавлять» кадры из студии можно было только фильмами. Стоило это очень дорого, деньги на них появлялись редко. Однако нас это не смущало: и зрители, и продюсеры в те годы были убеждены, что главное достоинство телезрелищ – их «непосредственность». Что происходило в студии, то появлялось на экране. Если актер забывал слова, подсказку слышали все. Если политик выходил из себя, у него не оставалось возможности сделать «хорошую мину» и потребовать, чтобы вырезали слова, не предназначавшиеся для широкой публики.

Когда я только начинал свою карьеру, программы о животных в «сетке» уже были. Их вел директор Лондонского зоопарка Джордж Кенсейл. Каждую неделю он доставлял из Риджентс-парка в студию в Александра-палас кого-нибудь из своих не слишком крупных, безобидных подопечных, усаживал его на стол, покрытый ковриком, и зверь терпеливо сидел, щурясь от яркого студийного света, пока мистер Кенсейл рассказывал о его строении, храбрости и смешных повадках. Опытный натуралист, он превосходно обращался с животными и умел убедить их делать то, что ему нужно. Порой звери отказывались слушаться, программа шла совсем не так, как было задумано, но это только прибавляло популярности ведущему. Время от времени животные справляли нужду на коврик, а если повезет, и на брюки Кенсейла. Время от времени они убегали, и тогда их ловил и водворял на место одетый в униформу смотритель зоопарка, который как раз для таких надобностей сидел за кулисами. Однажды маленькая африканская белка запрыгнула на микрофон, висевший прямо над демонстрационным столом, пронеслась через студию и скрылась в вентиляционной трубе. Она поселилась там надолго, и временами появлялась в драмах, варьете или в коротких передачах, которые шли из той же студии. В редких, незабываемых, случаях животному удавалось укусить или ущипнуть мистера Кенсейла. Пропустить это было нельзя, и, когда на ведущего покушалась какая-нибудь жуткая тварь, вроде змеи, страна замирала в ужасе.

Затем, в 1953 году, появляется новая программа. Известный естествоиспытатель и режиссер Арман Дэнис приехал в Лондон из Кении вместе со своей очаровательной британской женой Михаэлой, чтобы показать документальные фрагменты, какие они сняли для фильма «Южнее Сахары» (*Below the Sahara*). Из кадров, которые не вошли в фильм, они сделали получасовую телепередачу о слонах, львах, жирафах и других царственных обитателях восточноафриканских равнин. Она пользовалась огромным успехом. Многие англичане впервые увидели экзотических животных не на картинке, а в движении. И хотя в съемках не было той щекочущей нервы непредсказуемости, какая завораживала в передачах мистера Кенсдейла, зрители наконец могли увидеть, как величавы и прекрасны животные в своей естественной среде.

Зрители так восторженно приняли новую программу, что отдел планирования тут же попросил Дэнисов о продолжении. Почему бы не сделать еженедельную передачу? Дэнисам, у которых за много лет съемок в Африке скопилось немало сюжетов о животных, идея понравилась, и долго убеждать их не пришлось. Так появился сериал «На сафари» (*On Safari*).

Меня, двадцатишестилетнего, новоиспеченного, всего два года проработавшего на телевидении продюсера с невестребованной степенью по зоологии, мечтавшего подготовить авторскую программу о животных, ни один из этих форматов не устраивал. При всех достоинствах, у них было множество явных ограничений. Мистер Кенсдейл приводил публику в трепет, показывая ей непредсказуемых в своих повадках зверей, но в непривычной им атмосфере студии они чаще всего казались экзотическими шутками природы. У Дэнисов, наоборот, животные появлялись в естественной среде, к которой прекрасно приспособлены, но именно поэтому программам не хватало той остроты, которую вносит непредсказуемость. Хорошо бы, говорил я себе, соединить эти подходы и воспользоваться преимуществами каждого из них. В те годы я работал

по контрактам: снимал мюзиклы, археологические викторины, политические дискуссии и балетные спектакли. Последней моей задумкой был цикл из трех передач о строении, окрасах и повадках разных животных. Рассказывал об этом один из самых замечательных ученых того времени, сэр Джулиан Хаксли, и, чтобы проиллюстрировать его слова, мне приходилось просить кое-каких зверей в Лондонском зоопарке мистера Кенсейла. Так я познакомился с куратором отдела рептилий Джеком Лестером.

Джек с детства обожал животных, но без специального образования работать в зоопарке не мог, поэтому поначалу он устроился в банк. Довольно быстро ему удалось убедить работодателей перевести его в отделение банка в Западной Африке, где он дал волю своему увлечению — и стал собирать рептилий. С началом войны Джек пошел в Королевские военно-воздушные силы, а когда война закончилась, нашел себе место в частном зоопарке на западе Англии. Оттуда он перебрался в Риджентс-парк: его назначили хранителем большой коллекции рептилий. Кабинетом ему служила маленькая комнатка в «доме рептилий», прогретом, как и положено, до тропической духоты и населенном разнообразной живностью, включая его любимцев, которых не показывали публике, — карликовых галаго, гигантских пауков, хамелеонов и опоясанных пескоплавов. Джек охотно помогал выбирать животных для передач Хаксли, но теперь я шел к нему, чтобы обсудить еще одну программу, которую мы могли бы сделать. Идея, как мне казалось, его заинтересует: он сможет снова отправиться в любимую Западную Африку, а я поеду вместе с ним.

Замысел был прост. BBC и Лондонский зоопарк организуют совместную экспедицию за животными, мы оба примем в ней участие. Я буду снимать сюжеты о том, как Джек ищет и наконец ловит какого-нибудь представителя африканской фауны. В конце каждого эпизода мы даем его крупным планом у Джека на руках, и на этом кадре действие переходит в студию.

Джек в прямом эфире показывает публике зверя или птицу и в манере Кенсейла рассказывает о его строении и повадках. Если случится что-нибудь непредвиденное, например «главный герой» сбежит или кого-нибудь укусит, — тем лучше. В конце документальный фильм возвращает зрителей в Африку, и они вместе с нами отправляются на новые поиски.

Джеку идея понравилась. Единственная сложность состояла в том, что зоопарк в те годы не планировал экспедиций за животными. BBC тоже не предполагала снимать требующие специальной подготовки и, безусловно, дорогостоящие фильмы о дикой природе. Впрочем, такое препятствие преодолевалось легко: достаточно было свести наших начальников на тщательно продуманном обеде, но прежде убедить каждого из них, что его собеседник давно вынашивает мысль о поездке.

Обед в должное время состоялся в ресторане зоопарка. Джек и я присутствовали на нем в качестве «руководящей и направляющей» силы. После кофе начальники разошлись, твердо уверенные, что от этой совместной затеи выиграет именно его дело, и, к нашей огромной радости, каждому из нас на следующий день по отдельности было сказано, что можно начинать.

Мы согласились на джунгли без проблем. За время работы в банке, находившемся в Сьерра-Леоне, Джек хорошо узнал страну и ее фауну. В Африке у него оставались друзья, которые могли бы нам помочь. Я, в свою очередь, был убежден: чтобы программа удалась, у экспедиции должна быть четкая цель — найти такое редкое существо, какого нет ни в одном зоопарке мира, такое загадочное, диковинное, поразительное создание, за поисками которого зрители, замерев у экранов, следили бы из передачи в передачу. Программа могла бы называться «В поисках...» чего-то... Но чего?

Мы сами не знали. По мнению Джека, единственным достойным нашей программы обитателем Сьерра-Леоне была

птица под названием *Picathartes gymnocephalus*. Я не был уверен, что британская публика затаив дыхание будет следить за поисками существа с таким именем. Может быть, у него есть более романтическое название? «Конечно, — ответил Джек. — Западная лысая ворона». — «Это не лучше», — подумал я, но Джеку ничего другого в голову не приходило. Итак, мы решили искать лысую ворону и назвать цикл передач просто и скромно — «Зооквест» (Zoo Quest).

Вскоре обнаружилась еще одна проблема, которую надо было решить. В те годы телеоператоры снимали на 35-миллиметровую пленку, такую же, какой пользовались для полнометражных художественных съемок. Бобина этой пленки была размером с надутый футбольный мяч, а камера напоминала небольшой чемодан, и в нормальных условиях ее устанавливали на треножный штатив, который держали два человека. Арман и Михаэла Дэнис снимали на 16 миллиметров, они пользовались менее громоздким оборудованием, и мы решили последовать их примеру.

Узнав об этом, руководитель производственного отдела пришел в ярость: «Снимать на 16 миллиметров — это самодеятельность! Профессионалы к такой пленке даже прикасаться не хотят! Кому нужны эти размытые кадры...» Под конец гневной тирады он заявил, что скорее уволится, чем согласится на такое качество. Срочно созвали совещание. Я привел свои аргументы и с несокрушимой уверенностью дилетанта объяснил, что нужные мне кадры можно снять только на более легкую камеру.

В конце концов мне удалось убедить всех, однако заводством поставил одно довольно жесткое условие. Дело в том, что в те годы существовало только черно-белое телевидение, а с 16-миллиметровой пленки, на которую мы предполагали снимать, можно было делать исключительно цветные негативы. Она отличалась меньшей чувствительностью, хотя давала черно-белую печать более высокого разрешения.

Тем не менее он настоял, чтобы в крайних случаях, при очень тусклом свете, мы снимали на черно-белую пленку. Я его выслушал – и согласился.

Никто из операторов BBC работать с 16-миллиметровой пленкой не хотел. Следовательно, оператора пришлось искать самостоятельно. Я разослал несколько запросов, и вскоре откликнулся мой ровесник, который только что вернулся из Гималаев: он был помощником оператора на съемках фильма об экспедиции, искавшей снежного человека. Его имя было Чарльз Лагус. Местом встречи я выбрал находившийся неподалеку паб, где обычно собирались телевизионщики. Мы выпили и обнаружили, что у нас похожее чувство юмора. Чарльз сказал, что поездка – идея заманчивая, и после второй кружки

Альф Вудс (справа) и Джек Лестер кормят птенца лысой вороны

пива согласился. В свою очередь он зазвал в наше дело хитрого и смекалистого Альфа Вудса, который в то время был главным хранителем Дома птиц в Лондонском зоопарке, а у нас ему предстояло опекать пойманных животных. Итак, в сентябре 1954 года мы вчетвером вылетели в Сьерра-Леоне.

Несколько дней мы провели в столице страны, Фритауне, и оттуда отправились в джунгли. Мы с Чарльзом никогда прежде не были в подобных местах и не представляли, насколько там темно. Чарльз угрюмо смотрел на экспонометр. «Если мы хотим снимать здесь в цвете, — мрачно сказал он, — надо срубить парочку деревьев. Иначе ничего не получится». Это был удар ниже пояса. Выходит, для съемок в джунглях нужна только черно-белая пленка, а у нас ее мало.

Но, может быть, Джек согласится вытаскивать пойманных зверей в более или менее светлое место и ловить их там еще раз? Джек любезно внял нашей просьбе. Чарльзу и мне вместо того, чтобы снимать мартышек, перелетающих с ветки на ветку, или поджидать в укромном месте, не выглянет ли из зарослей робкая лесная антилопа, ничего не оставалось, как довольствоваться мелкими тварями, которых можно вынести на свет, — хамелеонами, скорпионами, богомолами и многоножками.

Нашей главной целью по-прежнему оставалась *Picathartes*, лысая ворона. Джек взял с собой ее акварельный «портрет», выполненный неким художником по музейному экспонату. В каждой местности, где мы оказывались, он показывал рисунок местным жителям и спрашивал, не знают ли они такой птицы. Наши собеседники недоуменно разглядывали картинку, мол, нет, не видали, пока наконец не нашелся крестьянин, который лысую ворону узнал. Эти птицы, сказал он, строят гнезда из грязи, вроде ласточкиных, но только побольше, и прикрепляют их к огромным лесным валунам. В светлое время их почти не увидишь, вырубать ради них деревья тоже бессмысленно. Мы решили не жалеть нашей бесценной сверхчув-

ствительной пленки, и в конце концов нам удалось впервые, насколько мне известно, сфотографировать лысую ворону живьем, в ее природной среде.

Первая передача вышла на экраны в декабре 1954 года. Джек показывал в студии зверей и птиц, я из аппаратной руководил камерами и подсказывал, какой эпизод должен пойти. А на следующий день случилась беда: Джек неожиданно потерял сознание и попал в больницу. Программа, разумеется, шла в прямом эфире, и ровно через неделю вместо Джека должен был появиться кто-то другой. Начальство выбрало меня. «Ты в штате, — сказали мне, — поэтому никакой надбавки к жалованью тебе не полагается». Неделю спустя я восседал на месте Джека, изо всех сил стараясь удерживать животных; один из друзей моего шефа направлял камеры.

Африка, которую мы показывали, очень отличалась от той, какую снимала чета Дэнис. Пилюльные осы, строящие свои паразитические чашевидные гнезда, и муравьи, армиями нападающие на скорпиона, конечно, не могли сравниться с величественными обитателями Восточной Африки, но искусному фотографу Чарльзу удалось сделать на редкость выразительные снимки, так что наша программа пользовалась успехом. Начальство было удовлетворено.

Примерно через месяц после того, как передачи закончились, Джека сочли достаточно здоровым, чтобы выписать из больницы. Мы встретились и решили как можно скорее, пока у боссов не выветрился из памяти наш первый удачный опыт, предложить следующую программу.

Мы так и сделали — и к нашему удивлению, всего через восемь недель после того, как закончился «африканский цикл», нас снова отправили на съемки, на сей раз в Южную Америку, точнее, в Гайану, которая в те годы называлась Британской Гвианой.

Вскоре после того, как мы приехали, Джеку снова стало хуже, и он вынужден был вернуться в лондонскую больницу.

Мне опять пришлось взять на себя его обязанности и заняться поисками животных; их становилось все больше, поэтому к нам присоединился еще один главный хранитель зоопарка.

Джек до конца так и не поправился к тому моменту, как мы вернулись. Я по-прежнему вел передачи, вместе с Джеком мы готовили следующую экспедицию, на сей раз в Индонезию, где хотели снять самую большую рептилию в мире – комодского варана, которого прежде никогда не показывали по телевизору, но было ясно, что такое путешествие Джек не потянет. Он уговаривал нас ехать без него. В конце концов мы согласились. Вскоре после нашего отъезда Джек скончался. Ему было всего сорок семь лет.

Вернувшись из Гайаны, я решил описать нашу поездку, и последующие несколько лет после каждого путешествия составлял более или менее подробный отчет. Три из них, в сокращенной и уточненной версии, вошли в эту книгу.

С тех пор как я начал делать эти записи, мир значительно изменился. Британская Гвиана обрела независимость. В те годы саванны Рупунуни, где мы высматривали гигантских муравьедов, казались нам едва ли не краем земли, а сегодня туда летают регулярные рейсы и налажена постоянная связь с побережьем. Одна из главных достопримечательностей Индонезии – превращенный в романтические руины яванский храмовый комплекс Боробудур – сейчас полностью отреставрирована. На Бали, куда раньше можно было попасть только по морю, открыт аэропорт, огромные авиалайнеры каждый день доставляют туда тысячи туристов, путешествующих между Австралией и Европой, а тогда нам встретился в этих местах только один человек европейской наружности. Наконец, Комодо, куда с немалыми приключениями мы добирались в 1956 году, вот уже много лет как включен в туристические маршруты, и толпы туристов ежедневно прибывают на остров, чтобы поглазеть на огромных варанов. Да и телевидение за эти годы наконец стало цветным.

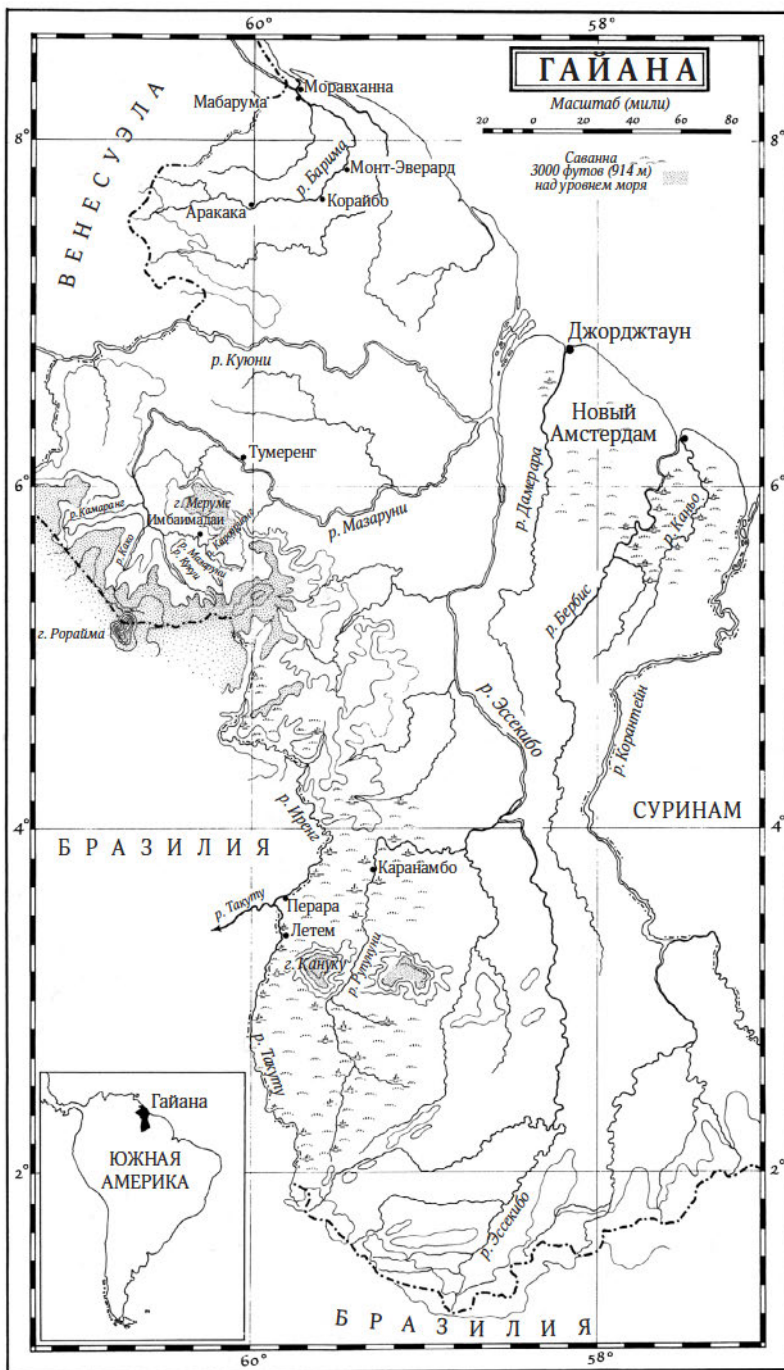
В 2016 году, однако, сотрудница архива BBC, разбирая фильмохранилище, наткнулась на несколько проржавевших коробок с надписью «Зооквест» – цвет». Она решила полюбопытствовать, что там, – и обнаружила цветные негативы, которые до сих пор никто, включая меня, никогда не видел. Когда их отпечатали, оказалось, что за 60 лет затворничества они совсем не выцвели, так что их вполне можно показывать публике. Надеюсь, эти записи чем-то похожи на старые, но сохранившие яркость снимки.

Дэвид Аттенборо

Май 2017 г.

КНИГА ПЕРВАЯ
«Зооквест» в Гайану

1

В ГАЙАНУ

Южная Америка – место обитания самых удивительных, самых милых и самых жутких животных в мире. Мало кто сравнится с ленивцем, который передвигается медленно и бесшумно, время от времени зависая головой вниз на высоких лесных деревьях; едва ли найдется зверь более странный, чем живущий в саванне гигантский муравьед с его нелепым, непропорциональным туловищем, хвостом, развевающимся, словно обтрепанный флаг, и беззубой мордой, вытянутой в изогнутую трубу. Но вокруг так много дивных птиц, что на них почти не обращаешь внимания. Оглушительно верещат цветастые попугаи макао (глядя на их изысканное оперение, трудно поверить, что они способны так истошно орать), колибри, похожие на драгоценные камешки, в поисках нектара порхают с цветка на цветок, их переливчатые перья сияют всеми цветами радуги.

Иные многочисленные обитатели южноафриканской природы вызывают восторг, граничащий с отвращением. Взяты хотя бы стаи речных рыб-людоедов, готовых разорвать в клочья любое живое существо, которое окажется рядом с ними, или «страшилку» для европейца и суровую реальность для Южной Америки – летучих мышей-вампиров, по ночам покидающих свои лесные места ночлега, чтобы сосать кровь коров и людей.

Я ни на миг не сомневался в том, что следующей после Африки, где проходила наша первая зоологическая поисковая экспедиция, должна стать Южная Америка. Но какую часть этого огромного, пестрого континента выбрать? В конце концов мы решили отправиться в Гайану — единственную английскую колонию, сохранившуюся в южной части Америки. К нашей «африканской компании» — Джек Лестер, Чарльз Лагус и я — на сей раз присоединился смотритель Лондонского зоопарка Тим Вайнелл. В те годы он был приставлен к копытным, но за долгое время работы в зоопарке ему довелось иметь дело с разными животными. Теперь на него возлагалась трудная и неблагодарная обязанность — сидеть в нашем лагере на берегу и присматривать за зверьем, которое мы поймаем.

Итак, в марте 1955 года мы приземлились в столице — Джорджтауне. Три дня ушло на то, чтобы получить необходимые разрешения, пройти таможенный досмотр наших фотоаппаратов и кинокамер, обзавестись необходимой кухонной утварью, едой и гамаками, — и теперь нам не терпелось отправиться наконец на поиски «экспонатов». К этому времени мы уже приблизительно представляли себе, как будем действовать. Карта подсказывала, что значительная часть Гайаны покрыта тропической сельвой, которая простирается на север до Ориноко и на юг до бассейна Амазонки. На юго-западе леса идут на убыль и уступают место обширной, покрытой травой саванне, а вдоль берега тянется полоса освоенной земли, где рисовые поля и сахарные плантации перемежаются небольшими затоками и болотами. Нам было ясно: чтобы как можно полнее представить в коллекции фауну Гайаны, надо обследовать все регионы, поскольку в каждом обитали животные, характерные только для этих мест, которых нельзя больше нигде найти. Однако понять, куда надо идти в каждом из регионов и в каком порядке изучать территории, мы смогли только после того, как вечером третьего дня нас пригласили поужинать с превосход-

ными знатоками этих мест — Биллом Сеггаром, окружным чиновником, ответственным за отдаленные лесные территории на западной границе, Тайни Мак-Турком, ковбоем из саванны Рупунуни, и лечившим американских индейцев врачом Сэнниддом Джонсом, которому доводилось навещать пациентов в разных уголках колонии. Почти до рассвета мы разглядывали фотографии, смотрели фильмы, исследовали карты и лихорадочно делали заметки. Когда наконец мы распрощались, у нас был подробный план действий: сначала — саванна, затем — леса и последними — прибрежные болота.

На следующее утро мы пришли в контору авиакомпании, чтобы узнать о транспорте.

«В Рупунуни на четверых, сэр? — уточнил чиновник. — Конечно. Вылет завтра».

Чарльз Лагус с черепахой мата-мата